NACHDENKEN ÜBER EUROPA ESSAY COLLECTION

Von

Winfried Böttcher

NOVEMBER / DEZEMBER 2014

1. Hinführung

In den nachfolgenden Ausführungen geht es um einen Überblick, wie Europa nach der zweiten Katastrophe des 20. Jahrhunderts, dem 2. Weltkrieg, bis heute geworden ist und über einen Ausblick, wie es sich entwickeln sollte.

Wir betrachten also mit dem Ausschnitt der letzten 70 Jahre europäischer Geschichte nur einen Augenblick, gemessen an der 5000 Jahre alten europäischen Kulturgeschichte, die mit der ersten Hochkultur Europas, mit der Minoischen, begann, etwa 3000 Jahre v. Chr. auf Kreta.

Europa zu einigen ist ein Jahrhunderte alter Traum der Europäer. Seit 1306 der Franzose Pierre Dubois (ca. 1255-ca. 1321) den ersten Europa- und Friedensplan vorgelegt hat, wurde immer wieder der Versuch gemacht. Gelungen ist es zum ersten Mal in unserer Zeit. Nach der ersten Urkatastrophe, dem 1. Weltkrieg, intensivierten sich Anstrengungen. Als Beispiel ist Graf Coudenhove-Kalergi (1894-1972) hervorzuheben, der Pan-Europa, die Vereinigten Staaten von Europa, vorgeschlagen hat. Diesen Gedanken findet man schon im 19. Jahrhundert. Hier ist insbesondre Victor Hugo (1802-1885) zu nennen.

Nach dem 2. Weltkrieg, der wie kaum ein anderes Ereignis der europäischen Geschichte Europa in seinen Grundfesten erschüttert hat, sahen die verantwortlichen Politiker endgültig ein, dass die Zukunft Europas nur in einer Zusammenarbeit der Völker liegen kann.

Размышления о Европе

Собрание сочинений

От

Винфрида Бёттхера

Ноябрь/декабрь 2014

1. Подход

В последующих разделах речь пойдёт о Европе после Второй Мировой войны, второй катастрофы XX века, до настоящих дней, и о перспективах её развития.

Таким образом, из последних 70 лет истории Европы мы рассмотрим только тот период, который определён 5000-летней историей культуры Европы, начавшейся с первой высокоразвитой культуры Европы, Минойской, около 3000 лет до нашей эры на острове Крит.

Для некоторых Европа - это вековая прежняя мечта европейцев. Начиная с 1306, француз Пьер Дюбуа (около 1255-около 1321) представил первый план Европы и мира. Попытка предпринималась не один раз, и впервые это удалось сделать в наше время. После первой всемирной катастрофы, Первой Мировой войны, было приложено больше усилий. Так, граф Куденхове-Калерги (1894-1972) предложил создать Пан-Европу, Соединенные Штаты Европы. Эту мысль можно найти уже в XIX веке. Здесь, в частности, следует назвать имя Виктора Гюго (1802-1885).

После Второй Мировой войны, сильно потрясшей Европу, как никакое другое событие, ответственные политики чётко увидели, что будущее Европы лежит только в сотрудничестве народов.

Dies galt insbesondere für die Aussöhnung der alten Erbfeinde Frankreich und Deutschland. Der Zerfall der Kriegsallianz und der damit einhergehende Ost-West-Konflikt, der kalte Krieg, verstärkte dieses Bewusstsein. Uneins war man nur darin, wie die notwendige Kooperation gestaltet werden sollte.

Bis heutezu wird die Diskussion um die Einigung Europas durch zwei sich mehr oder weniger ausschließende Richtungen bestimmt, den Föderalismus und das "Europa der Vaterländer", wie es Charles de Gaulle (1890-1970) formulierte.

Den entscheidenden Unterschied zwischen beiden Richtungen kann man daran festmachen:

Wie halte ich es mit der Souveränität? Die einen wollen Souveränität weitestgehend von den Nationalstaaten auf ein größeres Ganzes übertragen, die anderen möglichst viel Souveränität für die alten Nationalstaaten bewahren.

Auf dem Haager Kongress von 1948, an dem 722 Persönlichkeiten aus 28 europäischen Ländern teilnahmen, setzten sich die "Vaterländer" durch. Der Versuch, ein föderalistisches Europa zu bauen, scheiterte.

Aus den Beschlüssen des Haager Kongresses erwuchs der am 5. Mai 1948 gegründete Europarat mit heute 47 Mitgliedern. Dieser Zusammenschluss wieder erstarkter souveräner Nationalstaaten ist ein Staatenbund mit Einstimmigkeitsprinzip. Aber im Laufe von mehr als 65 Jahren seines Bestehens hat er sich zum Gewissen Europas entwickelt, vor allem mit seiner weltweit einzigartigen Konvention zum Schutze der Menschenrechte. Niemals zuvor war es einem Individuum möglich, einen Staat zu verklagen.

AACHEN. IM NOVEMBER 2014

Это было особенно справедливо для примирения старых давних врагов, Франции и Германии. Распад военного союза и связанный с этим конфликт востока и запада, «Холодная война» подводили к этому решению. Разногласие состояло только в том, как добиться необходимого сотрудничества.

До настоящего времени ведётся дискуссия по объединению Европы двумя более или менее взаимоисключающими способами - федерализмом и «Европой отечеств» - как это сформулировал Шарль-де-Голль (1890-1970).

При этом можно выделить важное отличие между двумя направлениями: Как воспринимать суверенитет? Одни хотят независимости от национальных государств в значительной степени через большое целое, другие – сохранять суверенитет древних государств как можно дольше.

На Гаагском конгрессе, прошедшем в 1948 году, в котором принимали участие 722 представителя из 28 европейских стран, победу одержали «Отечественные страны». Попытка построить федералистскую Европу провалилась.

По решению Гаагского Конгресса 5 мая 1948 года был создан Совет Европы, который сегодня насчитывает 47 членов. Это объединение снова укрепившихся независимых государств является содружеством государств с принципом единого голоса. Однако, в течение более чем 65 лет своего существования оно развивало «совесть» Европы, прежде всего, его уникальную конвенцию о защите прав человека. Ранее подать в суд на государство для индивидуума не представлялось возможным.

Аахен. Ноябрь 2014 года.

2. Bestandsaufnahme

These: In mehr als 60 Jahren ist es nicht gelungen, die Frage zu beantworten, welches Europa wir eigentlich wollen.

Frage. Was müssen wir erreichen sollen? Anders gewendet:

- 1. Was wurde bisher erreicht?
- 2. Wie soll Europa zukünftig aussehen?
- > Die Erfolge

Als Messlatte für die Beurteilung darüber, was 60 Jahre europäische Integrationsbemühungen gebracht haben, benutze ich eine Integrationsdefinition des alternativen Nobelpreisträgers und Friedensforschers Johan Galtung:

"Integration ist ein Prozess, bei dem zwei oder mehr politische Akteure einen neuen politischen Akteur bilden."

Wie leicht nachvollziehbar ist, existiert heute zwar ein neuer politische Akteur auf der Weltbühne in Gestalt der Europäischen Union, daneben wirken allerdings die alten nationalstaatlichen Akteure fort. In diesem Sinne wurde also keine Integration erreicht. Dennoch gibt es unbestreitbar Fortschritte wie auch Rückschläge auf dem Wege zu einer Integration.

Am Beginn unserer heute vorfindlichen europäischen Ordnung steht die Gründung der Gemeinschaft für Kohle und Stahl, der EGKS.

Die Idee von Jean Monnet (1888-1979) war es, mit dem Souveränitätsverlust bei der Herstellung von Stahl in sechs europäischen Ländern - Deutschland, Frankreich, Italien und den Be-Ne-Lux- Staaten - diesen die Grundlagen für eine eigene Waffenherstellung zu entziehen.

Hier begann eine fast 65-jährige wunderbare Friedensidee, leider nur für einen Teil Europas. Weltweit betrachtet, gab es während dieser Zeit nicht ein einziges Jahr, in dem es nicht irgendwo auf der Welt Krieg tobte.

2. Инвентаризация

Тезис: более чем 60 лет не удавалось ответить на вопрос, какую Европу мы хотим на самом деле.

Вопрос. К чему стремиться? Иными словами:

- 1. Что было достигнуто до настоящего времени?
- 2. Как должна выглядеть Европа в будущем?
- > Успехи

В качестве «планки» для оценки попыток Европейской интеграции в течение 60 лет я использую определение интеграции, данное лауреатом Нобелевской премии и исследователя проблем мира Юханом Галтунгом:

"Интеграция-это процесс, при котором два или более политических игрока создают нового политического игрока".

Легко понять, что сегодня существует новый политический игрок на мировой арене в лице Европейского Союза. Также действуют старые национальногосударственные игроки. В этом смысле интеграция не достигается. Тем не менее, на пути к интеграции есть неоспоримые успехи, равно как и неудачи.

В начале нашего сегодняшнего европейского строя находится Европейское объединение угля и стали, ЕОУС.

Идея Жана Монне (1888-1979) состояла в отказе от производства собственного оружия, потере суверенитета при производстве стали в шести европейских странах - Германии, Франции, Италии и странах Бенилюкса.

Отсюда своё начало ведёт почти 65-летняя удивительная идея мира, характерная, к сожалению, только для части Европы. С точки зрения мира, в течение этого времени не прошло ни одного года военных действий.

Daran mag man ermessen, welches Glück wir haben. Zu keinem Zeitpunkt in der Geschichte Europas bestand ein solch dauerhafter Friede zwischen so vielen Völkern, ja, man wird an den Kantschen Begriff vom "ewigen Frieden" erinnert. Aus Feinden wurden Nachbarn, aus Grenzen Verbindungslinien. Selbst wenn das europäische Projekt scheitern würde und der Frieden bliebe, so hätten sich die Anstrengungen gelohnt. Allerdings führt uns die Ukrainekrise vor Augen, wie zerbrechlich doch der Friede ist, und wie schnell sich mitten in Europa eine aefährliche Eskalationsspirale entwickeln kann. In diesen Zeiten werden nicht selten Erinnerungen an alte Vorkriegszeiten wach.

Die guten Erfahrungen, die man mit den föderalen Elementen bei der EGKS gemacht hatte, wollte man 1954 in die europäische Verteidigungsgemeinschaft, die EVG, einbringen. Dies hätte sicherlich zu einer unumkehrbaren engeren politischen Union geführt. Die EVG scheiterte an dem Votum der französischen Nationalversammlung.

Mit der Unterzeichnung und Ratifizierung der Römischen Verträge 1957 machte man dann einen großen Schritt in die Richtung, wie sich Europa uns heute zeigt. Mit der Gründung der Europäischen Wirtschaftsgemeinschaft begann das größte Modernisierungsprojekt in Europa seit Beginn der Industrialisierung im ausgehenden 18. Jahrhundert. Es entstand der größte Wirtschaftsblock der Welt. Zunächst in Westeuropa, seit dem Zusammenbruch der Sowjetunion auch in Osteuropa war die Anziehungskraft des europäischen Modells so stark, dass Diktaturen sich zu Demokratien wandelten.

Eine Vorstellung darüber, welches Europa man anstreben wolle, gab es nicht. Es konnte kein Konsens in der Finalitätsfrage herbeigeführt werden.

Statt dessen einigte man sich in der Präambel zu den Verträgen auf die Formel, "die Grundlage für einen immer engeren Zusammenschluss zu schaffen". Über diese Formulierung, die den Zusammenschluss Можно понять, насколько нам повезло. В истории Европы ни разу не было такого долгого мира между столькими народами. Это напоминает понятие «вечный мир» Канта. Из врагов были соседи, находившиеся по другую сторону границы. Даже если бы европейского проекта не было, а мир остался, усилия всё равно бы окупились. Тем не менее, у нас перед глазами украинский кризис. Мир настолько хрупок, что в центре Европы опасная «спираль эскалации» может развиваться очень быстро. В это время не редко вспоминаются старые довоенные времена.

Выгода, которая была извлечена из федеральных элементов при ЕОУС, была реализована в 1954 году в Европейское оборонительное сообщество (ЕОС). Это привело бы, конечно, к неизбежному, более тесному политическому союзу. ЕОС распалось после голосования французского национального собрания.

После подписания и ратификации Римских договоров 1957 г. был сделан большой шаг в том, как Европа сегодня позиционирует себя. С момента начала индустриализации в конце XVIII века, после создания Европейского экономического сообщества в Европе начался крупнейший проект модернизации. Это был самый большой экономический блок в мире. После распада Советского Союза в восточной Европе, и прежде всего в Западной Европе, привлекательность европейской модели была настолько сильна, что диктатуры превращались в демократию.

Представления о том, в какую Европу люди стремились, тогда не было. Это могло не привести к согласию по общим вопросам.

Вместо этого было решено ввести в преамбуле договоров формулу «основы для создания всё более тесного объединения». До этой формулы, логически исключающей объединение,

logisch ausschließt, ist man bis heute nicht hinweggekommen. Auch der Vertrag von Lissabon geht nicht drüber hinaus. Auf die Formel - Die Völker Europas schließen sich zusammen - konnte man sich nicht einigen.

30 Jahre nach der Verabschiedung der Römischen Verträge brachte die Einheitliche Europäische Akte, die EEA, einen wichtigen Fortschritt in den Integrationsbemühungen. Das Europäische Parlament, erstmals 1979 von den Bürgerinnen und Bürgern direkt gewählt, wurde gestärkt, die Zusammenarbeit zwischen den Institutionen verbessert, das Mehrheitsprinzip und Kompetenzen der Union auf neue Politikbereiche ausgeweitet. Den größten Sprung nach vorne machte die Gemeinschaft mit dem Vertrag von Maastricht:

"Vertrag über die politische Union und die Wirtschafts- und Währungsunion".

Das Parlament entscheidet in Zukunft mit, Binnenmarkt wird geschaffen, politische Zusammenarbeit gestärkt, eine gemeinsame Außen- und Sicherheitspolitik angestrebt und die Währungsidee auf den Weg gebracht. Seit Maastricht konnte das Europäische Parlament an Gewicht und Bedeutung zunehmen und sich dem annähern, was ein Parlament für eine funktionierende Demokratie ausmacht. Wenn es auch bis dieser Tage die ihm zustehende Kompetenz nicht hat, eine europäische Regierung zu wählen, weil die Nationalstaaten im Wege stehen, so bleibt es doch die einzige durch die europäischen Völker legitimierte Institution.

Einen weiteren großen Sprung nach vorne hat es bei der jüngsten Europawahl gemacht. Die im Europaparlament vertretenen Parteien haben zum ersten Mal mit europaweiten Spitzenkandidaten um die Gunst der Wähler geworben. Zum ersten Mal haben wir eine europäische Kommission, deren Präsident nicht in geheimer Absprache zwischen den Staats- und Regierungschefs ausgewählt wurde, sondern durch die Wahl europäischen Völker legitimiert ist. Hinter diesen demokratischen Fortschritt kann Europa nicht mehr zurückfallen.

щё не дошли. Лиссабонский договор также не содержит эту формулировку. На формуле «народы Европы объединяются» не могли сойтись.

Через 30 лет после вступления в силу Римских договоров Единый европейский акт (EEA) стал важным шагом в процессах интеграции. Европейский парламент, впервые избранный гражданами в 1979 году, был усилен, совместная работа между учреждениями была улучшена, принцип большинства голосов и компетенции союза вышли на новый уровень политики.

Самый большой «прыжок» вперёд «сделал» Маастрихтский договор:

«Договор о политическом союзе и экономическом и валютном союзе».

Парламент решает будущие задачи, внутренний рынок развивается, политическое сотрудничество укрепляется, создаётся общая внешняя политика и политика безопасности, а также разрабатываются идеи о единой валюте. Со времен Маастрихта Европейский парламент приобрёл больший вес и значение и приблизился к тому, что он делает для существующей демократии. До этого дня у парламента не было полномочия избирать европейское правительство, потому что этому препятствовали национальные государства. Так что парламент остается единственным законным институтом европейских народов.

Еще один большой скачок вперёд был сделан на последних европейских выборах. В Европейском парламенте представленные партии впервые определили лидеров, завоевавших благосклонность избирателей. Впервые мы имеем Европейскую комиссию, президент которой был выбран не по согласованию между главами государств и правительств, а на основании выбора европейских народов. После такого демократического прогресса Европа больше не может «катиться» назад.

Ein Identitätszuwachs bedeutet sicher auch die Einführung des Euro als Zahlungsmittel in nunmehr 18 Ländern, trotz der nach wie vor nicht überstandenen Finanzkrise.

Die gemeinsame Währung ist vielleicht der wichtigste Integrationsfortschritt überhaupt.

Die Erweiterung der EU 2004 um 12 neue ost - und mitteleuropäische Mitglieder hat, trotz aller Kritik und bis heute nicht bewältigten ökonomischen Folgewirkungen eines erreicht: Sie hat endgültig die Jahrhunderte alte Teilung des europäischen Kontinents aufgehoben. Hierbei ist das Verb aufheben im Sinne Hegels (1770-1831) gemeint, nämlich einen alten Zustand auflösen und den neuen Zustand einer qualitativ höheren Ebene zuzuführen.

> Grundlegende Defizite

Bis zu diesem Punkt wurden wichtige Erfolge der bisherigen Integrationsbemühungen vorgestellt.

An einer fundamentalen Krise - dem Nein der Franzosen, Niederländer und Iren zum sogenannten Verfassungsentwurf von 2004 - werden die Hauptdefizite der heutigen "Union" verdeutlicht. Die Krise zeigt, wie verunsichert die Europäer sind, ob die Europäische Union in ihrer derzeitigen Form die Probleme noch lösen kann.

Im Laufe seiner Einigungsbemühungen hat Europa viele Krisen erlebt. Meist wurden sie mit mehr oder weniger faulen Kompromissen bewältigt, manchmal ging Europa auch gestärkt hervor.

Diese hier vorgestellte Krise - wie auch die noch nicht überwundene Finanzkrise - haben eine andere Dimension als alle bisherigen, weil sie das europäische Projekt grundsätzlich in Frage stellen.

Die erste Fundamentalkrise wurde durch den Willen der drei europäischen Völker offengelegt. Hätte man alle Völker gefragt und nicht nur die Repräsentanten in den Parlamenten, die nicht genügend sensibel sind für die Ängste, Sorgen und Frustrationen der Menschen, das Ergebnis wäre noch verheerender gewesen.

Росту значения Европы также способствует введение евро в качестве платёжного средства теперь уже в 18 странах, несмотря на существующий финансовый кризис.

Единая валюта является, пожалуй, главным прогрессом в интеграции.

Расширение ЕС в 2004 г. с принятием 12 новых членов Центральной и Восточной Европы, несмотря на всю критику и отрицательные экономические последствия, имело единственный плюс: оно окончательно ликвидировало многовековое разделение Европейского континента. При этом глаголу «ликвидировать» придаётся значение, данное Гегелем (1770-1831), а именно избавиться от старого и создать новое на качественно высоком уровне.

> Основные недостатки До этого момента были достигнуты важные успехи предыдущих процессов интеграции.

В период фундаментального кризиса, когда французы, голландцы и ирландцы сказали «нет» так называемой Конституции 2004 года, демонстрируется главный недостаток сегодняшнего союза. Кризис показывает, насколько европейцы не уверены, может ли Европейский Союз в своём нынешнем виде решать проблемы.

В ходе процессов объединения Европа переживала многие кризисы. В основном они были связаны с более или менее сомнительными компромиссами. Иногда Европа стремительно шла вперёд.

Представленный здесь кризис, равно как и ещё не преодолённый финансовый кризис, имеют иное значение, чем все предыдущие, потому что они поставили под сомнение европейский проект в целом.

Первый фундаментальный кризис был раскрыт по воле трех европейских народов. Если бы опрашивали все народы, а не только представителей в парламенте, которые недостаточно хорошо чувствуют страхи, тревоги и разочарования людей, результат был бы ещё более плачевным.

Aber mehr als fünfzig Jahre wussten die europäischen Eliten, wie sich Europa entwickeln soll, ohne die vielfältigen Anzeichen für immer größer werdende Europamüdigkeit, ja, Europaverdruss der Bürgerinnen und Bürger wahrzunehmen.

Den Dialog mit den Menschen hat man nie gesucht. In fünfzig Jahren hatte sich soviel an Frustration aufgestaut, dass die Wucht, mit der sie sich damals Luft verschafft hat, nur Ignoranten überraschen konnten.

Wenden wir uns also zunächst den Krisensymptomen zu, welche die drei Völker bewegten, indem sie eine gut gemeinte, in Teilen auch gute sogenannte Verfassung ablehnten. Mit der Ablehnung hatten die Völker ihre herrschenden Eliten, die fünfzig Jahre ein Europa von oben zu bauen suchten, gründlich ver- und aufgeschreckt. Ohne dieses Votum hätten die Eliten kaum inne gehalten und über die Zukunft in einer globalisierten Welt nachgedacht, sondern sie wären im alten Trott weitergegangen, Schritt für Schritt. Dann hätten sie gewartet, ob etwas passiert. Wahrscheinlich wäre nichts passiert, wie so oft, und sie hätten die nächsten Schritte planen können, ohne sich darüber klar zu werden, wohin diese Schritte führen.

Die Gründe für die Ablehnung der sogenannten europäischen Verfassung sind komplex und schwierig zu isolieren. Aber sicher ist, dass das seit der Gründung der EGKS immer wieder beklagte Demokratiedefizit, das eng zusammenhängt mit fehlender Legitimität und einer Bürgerferne der EU, dazugehört.

Seit mehr als fünfzig Jahren hat sich an der Methode, Europa zu einigen, nichts geändert. Unter Vernachlässigung einer längerfristigen Zielperspektive findet Kooperation nach dem Verfahren "Versuch und Irrtum" statt, man kann auch sagen, wie die Echternacher Springprozession: zwei Schritte vor, einen Schritt zurück.

Interessen, Bedürfnisse, Funktionen und Aufgaben suchen sich adäquate Organisationsformen. Man nähert sich Europa pragma-

Однако, на протяжении более пятидесяти лет европейская элита знала, как должна развиваться Европа, не принимая во внимание разносторонние признаки все большей «усталости Европы», как воспринимать подавленное состояние граждан при обсуждении проблем Европы.

Диалога с людьми никогда не искали. Через пятьдесят лет было столько разочарования, что стремительность, которой тогда была наполнена атмосфера, могла удивить только несведущих.

Обратимся, прежде всего, к «симптомам» кризиса, которые волновали три народа, отвергнувшие так называемую хорошую конституцию. С отклонением конституции народы пугались их правящих элит, которые пятьдесят лет пытались построить «сверху» Европу. Без этого голосования элиты вряд ли бы держали паузу и думали о будущем в глобальном мире. Они бы шли по старой колее дальше, шаг за шагом. Они бы ждали, что произойдёт. Вероятно, ничего бы не случилось, как это часто бывает, и они могли бы планировать действия, не осознавая того, к чему бы привели эти шаги.

Причины для отказа от так называемой Европейской Конституции являются сложными, и их трудно вычленить по отдельности. Однако, можно быть уверенным, что с момента создания ЕОУС неоднократно сообщалось о недостатке демократии, тесно связанной с отсутствием законности и будущего граждан ЕС.

В течение более чем пятидесяти лет ничего не изменилось в методе объединения Европы. Пренебрегая долгосрочной перспективой сотрудничества, было выбрано сотрудничество по принципу «проб и ошибок»; можно также сказать о «прыжковой процессии»: два шага вперёд, один шаг назад.

Интересы, потребности, функции и задачи, требовали адекватных организационных форм. Подход к Европе прагматичный, без знания того, какую форму она, в конце концов, должна принять. Вопрос о том, как хотим жить завтра в Европе, даже не ставится. Единого ответа также не будет.

tisch, ohne zu wissen, welche Gestalt es am Ende haben soll. Die Frage, wie wir morgen in Europa leben wollen, wird erst gar nicht gestellt. Die Antwort wäre auch nicht konsensfähig.

Die Nationalstaaten als Träger einer sogenannten europäischen Integration bevorzugen diese Methode schon allein deshalb, weil sie größtmögliche nationale Souveränitätsansprüche sichert.

Die Völker Europas, die eigentlich Träger einer zukünftigen europäischen Ordnung sein sollten, bleiben bei diesem Konzept außen vor. Die herrschenden Politikeliten wissen, was für ihre Völker gut ist oder nicht. Die Völker wurden zwar durch Direktwahlen zum Europäischen Parlament formal einbezogen, aber mehr oder weniger ohne Wirkung. Wie sehr dies die Menschen merken, zeigt die abnehmende Teilnahme an den Europawahlen, auch sicher nicht zuletzt deshalb, weil die Politiker innenpolitische Wahlkampfthemen aufwerfen. Nach wie vor ist das Parlament trotz aller Kompetenzzuwächse keine echte Legislative im klassischen Sinne.

Auf drei Ebenen der Europäischen Union lassen sich erhebliche Demokratiedefizite ausmachen: bei der Gewaltenteilung, der Kontrolle der Gewalten sowie bei der Vermittlung politischer und sozialer Interessen.

Spätestens seit Montesquieu (1689-1755) ist es demokratischer Konsens, dass nur eine Gewaltentrennung gegenseitige Kontrolle garantiert und das Omnipotenzstreben der Macht in Schranken hält. In den Römischen Verträgen wird zwar formal mit der Kommission, dem Rat, dem Parlament und dem Gerichtshof ein "Organgeflecht" angedeutet, das Gewaltenteilung suggeriert, das aber höchst asymmetrisch ist.

Das heißt: Machtausübung und direkte demokratische Legitimation der Macht driften weit auseinander. Nach wie vor ist die eigentliche Legislative der EU der Europäische Rat, wenn auch zunehmend gemeinsam mit dem Parlament. Der Rat bezieht

Национальные государства, носители так называемой европейской интеграции предпочитают этот метод уже только потому, что он обеспечивает максимальные национальные права на суверенитет.

Народы Европы, которые, собственно, и должны быть носителями будущего европейского порядка, остаются вне этой концепции. Правящие политические элиты знают, что хорошо для своих народов, а что - плохо. Народы были привлечены в Европейский парламент формально через прямые выборы, более или менее без влияния со стороны. Как это люди замечают сами, в июне наблюдается снижение участия в выборах, конечно, не в последнюю очередь потому, что политики поднимают темы внутриполитической предвыборной кампании. Как и прежде, парламент, несмотря на рост полномочий, не является реальной законодательной властью в классическом смысле. Значительные недостатки демократии находятся на трёх уровнях Европейского

Демократический консенсус был найден еще при Монтескье (1689-1755); он гарантирует только разделение властей взаимного контроля и держит всесильное стремление власти в своих пределах. В Римских договорах, хотя и есть формальное «сплетение органов» в лице Комиссии, Совета, парламента и суда, что предполагает разделение властей, но оно в высшей степени асимметрично.

союза: на уровне власти, на уровне

и социальных интересов.

контроля властей и на стыке политических

Это означает, что народовластие и прямая демократическая легитимация находятся далеко друг от друга. Как и прежде, реальной законодательной властью ЕС является Европейский Совет, вместе с парламентом. Совет имеет свою легитимность из государств – членов. Даже эта легитимация с ростом решений большинства ставится под вопрос. При этом раскрывается дилемма легитимации тем, что, с одной стороны, решения большинства укрепляют эффективность системы, а с другой стороны, производные легитимации власти государств-членов ЕС будут подорваны.

seine Legitimation aus den Mitgliedstaaten selbst diese Legitimation stellt sich mit
zunehmenden Mehrheitsentscheidungen in
Frage. Hierbei offenbart sich das
Legitimationsdilemma insofern, als einerseits
Mehrheitsentscheid-ungen die Effizienz des
Systems stärken, andererseits die aus den
Mitgliedsstaaten abgeleitete Legitimation
untergraben wird.

Solange aber die Gewalten nicht getrennt sind, das Parlament seine Legitimation zwar aus Wahlen bezieht, dies sich aber nicht in einer umfassenden Souveränität der Gesetzgebung und in der Bestellung einer Regierung niederschlägt, solange bleibt das Demokratiedefizit virulent.

Ein weiterer Geburtsfehler der europäischen Einigung liegt in der fehlenden diskursiven Auseinandersetzung über das Projekt Europa mit seinen Bürgern.

Da es keine europäische Öffentlichkeit gibt, weil Diskurse und Kommunikation an Verstehen durch Sprache gebunden sind, bleiben Informationen über Europa immer national gefärbt. Wenn Meinungs- und Willensbildung über Europa sich in Parteien, Parlamenten, Verbänden, Nicht – Regierungsorganisationen vollzieht, dann findet sie für Gesamteuropa nur rudimentär statt.

Eine europaweite zivilgesellschaftliche Infrastruktur existiert nicht einmal in Ansätzen. Eine solche Infrastruktur ist aber für jedes Gemeinwesen unerlässlich. Gleiche Informationen für alle europäischen Bürgerinnen und Bürger ermöglichen erst eine Partizipation eben dieser Menschen.

Zur zweiten Fundamentalkrise nur soviel: Sie war und ist an Dramatik kaum zu übertreffen. Die europäischen Staaten, die Brüsseler Institutionen und ihre Eliten haben bei dem Beschluss über eine einheitliche Währung einen doppelten Fehler gemacht, ökonomisch und politisch.

Die sogenannten Konvergenzkriterien im Art. 121 EG-Vertrag – Preisstabilität, auf Dauer tragbare Finanzlage der öffentlichen Hand, Wechselkursstabilität, Dauerhaftigkeit Пока власти не разделены, парламент относит свою легитимность именно к выборам, но если это не отразится в поручениях правительства и независимости законодательства, недостаток демократии будет оставаться высоким.

Ещё одним врождённым пороком европейской интеграции является отсутствие дискурсивных дискуссий о проекте Европы со своими гражданами.

Можно говорить, что европейской общественности нет, потому что беседы и общение связаны с пониманием языка, информация о Европе всегда остаётся национально окрашенной. Если формирование общественного мнения и воли в Европе происходит на уровне политических партий, парламентов, организаций, неправительственных организаций, то на фоне всей Европы оно находится в зачаточном состоянии.

Общеевропейской инфраструктуры гражданского общества не существует даже в планах. Такая инфраструктура имеет важное значение для каждого общества. Одну и ту же информацию для всех европейских граждан делают возможным участие именно этих людей.

Второй основательный кризис ещё серьёзнее: по своей драматургии его трудно переоценить. При принятии решения о единой валюте европейские страны, учреждения Брюсселя и их элиты допустили двойную ошибку, экономическую и политическую.

Так называемые критерии конвергенции, изложенные в ст. 121 договора ЕС (о ценовой стабильности, о продолжительности приемлемого финансового положения государств, о стабильности валютного курса, о сохранении достигнутых конвергенций), были экономически допустимыми. Только многие страны не выполняли условия уже при удалении того или иного критерия и, таким образом, вообще не разрешалось принимать эти условия. Кроме того, с течением времени критерии часто нарушались, из-за Германии и Франции.

der erreichten Konvergenz - waren ökonomisch vernünftig.

Nur erfüllten viele Länder schon bei der Aufnahme das ein oder andere Kriterium nicht und hätten von daher gar nicht aufgenommen werden dürfen. Zudem wurden im laufe der Zeit die Kriterien oftmals verletzt, zuletzt auch durch Deutschland und Frankreich. Außerdem war es ein ökonomischer Irrglaube, man könne über eine einheitliche Währung Volkswirtschaften einigen. Historisch gibt es kein Beispiel dafür, dass Volkswirtschaften über eine Währung geeint wurden. Nein, es war immer umgekehrt. Erst musste die Volkswirtschaft geeint sein. Die Konsequenz daraus ist dann eine einheitliche Währung.

Politisch wurde also der Fehler gemacht, vor der Einführung einer gemeinsamen Währung Europa in einer politischen Union zu vollenden, aber zumindest auf einer Finanz- und Wirtschaftsunion zu beharren.

Ob Europa gestärkt aus dieser Krise hervorgehen kann, hängt davon ab, ob die Nationalstaaten zu lernen bereit sind, substanzielle Teile ihrer Souveränität abzugeben.

AACHEN, IM NOVEMBER 2014

3. Ein Anderes Europa

Wenn die Auffassung stimmt, dass das heutige Europa im Wesentlichen unter zwei grundlegenden Defiziten leidet: zum Einen unter einer fehlenden Partizipation seiner Bürger-innen und Bürger, zum Anderen unter dem fehlenden Diskurs über seine Finalität, dann ist ein Richtungswechsel notwendig. Mit der heutigen Art, Europapolitik zu gestalten, können die Defizite nicht behoben werden. Meiner Meinung nach hat Europa nur eine Perspektive mit einem Föderalismus neuer Art.

Weder das amerikanische, noch das deutsche Föderalismuskonzept sind auf Europa übertragbar. Кроме того, это было экономически ошибочное мнение: можно было бы создать единую валюту при объединении национальных экономик. Исторического примера того, чтобы экономики стран «связывала» одна валюта не существует. Нет, это было всегда наоборот. Сначала экономикам приходилось объединяться. Следствием этого являлась единая валюта.

Также, была допущена политическая ошибка перед введением единой валюты в политическом союзе в полной мере, по крайней мере, для устойчивого положения финансового и экономического союза.

Выйдет ли Европа из этого кризиса - зависит от того, будут ли государства готовы расстаться со значительной частью своей независимости.

Аахен. Ноябрь 2014 года

3. Другая Европа

Если правда состоит в том, что в сегодняшней Европе в основном имеются два основных недостатка - недостающее участие своих граждан и отсутствующие разговоры о её законченности, то необходимость смены курса оправдана. С учётом сегодняшнего способа сформировать европейскую политику недостатки не могут быть устранены. На мой взгляд, у Европы есть только одна перспектива нового федерализма. Ни американскую, ни германскую концепцию федерализма невозможно «перенести» на Европу.

Следующим пунктом моего выступления по федеральной организованной Европе является швейцарская модель.

Meinen Vorstellungen am nächsten von einem föderal organisierten Europa kommt das Schweizer Modell.

Die Schweiz ist - ähnlich wie Europa - heute aus vorwiegend utilitaristischen, d. h. gemeinsamen wirtschaftlichen Bedürfnissen und Interessen entstanden. Allmählich ist sie zu einem politischen Gebilde und Institutionen-Gefüge, zu einer mehrsprachigen politischen einer Vielzahl Nation mit "kollegialer" Regierungsgremien zusammengewachsen. Auf welchen Bedingungen ruht nun der Schweizer Föderalismusansatz? (vgl. dazu: Kinsky 1986)

- Die f\u00f6deralistische Ordnung w\u00e4chst von unten nach oben. Sie bejaht die Vielfalt, sie repr\u00e4sentiert, ja, privilegiert die Minderheiten in \u00fcbergeordneten Entscheidungsorganen.
- Föderalismus hat eine besondere Affinität zum Recht, zur Gleichheit der Glieder, zum Schutz autonomer Rechtsräume, zu föderativer Partizipation, zu "föderativer Gerechtigkeit", eingebettet in ein komplexes, ausgeklügeltes Gleichgewichtssystem.
- Föderalismus ermöglicht vielfältige, volksnahe Formen der Demokratie. Er verhindert, dass Mehrheiten Minderheiten unterdrücken.
- Im Föderalismus genießen alle den gleichen Schutz übergeordneter Werte. Auch bedeutet er ein Wille zur Pluralität, zum Zusammenleben in zur Achtung vor dem Toleranz, Andersartigen und Andersdenkenden. Um mit Rosa Luxemburg(1871-1919) zu sprechen: "Die Freiheit ist immer die Freiheit des anders Denkenden".

Mitte des 19. Jahrhunderts wird Victor Hugo der Satz zugeschrieben: "Dans I`histoire du monde, la Suisse aura le dernier mot." (In der Weltgeschichte wird die Schweiz das letzte Wort haben.) Швейцария, так же, как и Европа, проявляет сегодня в основном утилитарные, т.е. общие экономические,

потребности и интересы. Постепенно она выросла до политического образования и структуры учреждений, многоязычной политической нации с множеством «коллегиальных» правительственных органов. На каких условиях теперь основано появление швейцарского федерализма? (см.: Кински 1986)

- Федералистский строй растёт снизу вверх. Он подтверждает разнообразие, представляет привилегированные меньшинства в вышестоящих директивных органах.
- Федерализм схож с правом, равенством членов, защитой автономных юрисдикций, федеративным участием, «федеративной справедливостью», расположенной в сложной системе равновесия.
- Федерализм позволяет разнообразные, близкие народу формы демократии. Он предотвращает подавления меньшинства большинством.
- В федералистском государстве все пользуются равной защитой, вышестоящими ценностями. Также, это означает желание для плюрализма, сосуществования в терпимости, уважения к другим и инакомыслящим. Роза Люксембург (1871-1919) говорила: «Свобода это всегда свобода других мыслящих».

В середине XIX века Виктор Гюго написал следующее: "Dans l'histoire du monde, la Suisse aura le dernier mot." (В мировой истории последнее слово за Швейцарией.)

Interpretieren wir diese Bedingungen und integrieren wir sie in einen europäischen Föderalismus neuer Art, so kommen wir zu einer demokratisch - föderalen – europäischen Union. Dort wird dem Menschen die Fähigkeit zugetraut, sein Leben selbst zu bestimmen. Maßstab und Grenze der Selbstbestimmung ist die Selbstbestimmung des Mitmenschen. Die Lösung der Probleme erfolgt betroffenheitsnah.

Partizipative Demokratie ist nur in einer kleinräumigen, lokal-regionalen Gesellschaftsordnung möglich. Bezogen auf das hier vertretene föderative Europamodell führt dies zu einem regionalen Demokratieansatz, einem gelebten Föderalismus von unten mit einer bürgernahen, von der Basis kommenden subsidiären Kraft, zu einer kleinräumigen, lokal - regionalen Gesellschaftsordnung, einer direkt partizipativen Demokratie, zu betroffenheitsnahen Problemlösungen, kultureller Autonomie und vielem mehr.

Ein zukünftiges Europa muss sich lösen von den gleichmacherischen, ineffektiven, allgemeinen nicht auf regionale Bedürfnisse zugeschnittenen Entwicklungen einer Zentralgewalt - und hin zu überschaubaren, anpassungsfähigen, flexiblen, kreativitätsfördernden Einheiten kommen. Die Vorteile liegen auf der Hand: Zentralstaatliche, von den Menschen als fremd empfundene Macht wird begrenzt, die demokratische Partizipation und damit der Wille zu konstruktiver Mitarbeit werden gestärkt, es ergibt sich eine höhere Problemverarbeitungskapazität - all dies stiftet mehr Identität und vergrößert die politische Stabilität.

Wenn Europa Abschied nimmt von transnationaler, aber mittelfristig auch von nationaler Autorität - oder wie immer sonst sich Zentralgewalt manifestiert - und sich hinwendet zu regionaler Demokratie, die sich als Lebensform entwickelt, wird eine neue politische europäische Ordnung entstehen.

Demokratie als Lebensform im Gegensatz zu der heute vorherrschenden Demokratie als

Давайте рассмотрим эти условия и интегрируем их в европейский федерализм нового рода. Таким образом, мы придём к демократическому – федеральному - Европейскому союзу. Там человеку даётся возможность жить самостоятельно. Масштаб и границы самоопределения являются самоопределением собрата. Решение проблем успешно осуществится.

Общая демократия возможна только в небольшом, локально-региональном общественном строе. В отношении федеративной модели Европы, представленной здесь, это приводит к образованию региональной демократии, реальному федерализму «снизу» с социально ориентированной, ближайшей к основанию дополнительной силы, к небольшому, локально - региональному общественному строю, прямой общей демократии, удивительному решению проблемы, культурной автономии и многому другому.

Будущая Европа должна избавиться от уравнительной, неэффективной разработки центральной власти, основанной, как правило, не на региональных нуждах – для того, чтобы создать управляемый, адаптируемый, гибкий субъект, способный создать единство. Преимущества очевидны: централизованная, воспринимаемая людьми как чуждое, власть будет ограничена, демократическое участие, и, следовательно, желание сотрудничать конструктивно, будут укрепляться. Это даёт более высокую вероятность решения проблемы. Всё это порождает больше самобытности и увеличивает политическую стабильность.

Если Европа «простится» с транснациональной, но в среднесрочной перспективе также национальной властью - или как центральная власть себя иначе позиционирует – и обратится к региональной демократии, развивающейся как форма жизни, то будет разработан новый политический европейский порядок. Демократия как форма жизни, в отличие от распространенной сегодня демократии как форма правления может развиваться

Staatsform kann sich nur dort entwickeln, wo die Menschen nicht nur von Entscheidungen betroffen werden, sondern diese Entscheidungen unmittelbar und direkt beeinflussen können, mitverantwortlich in das politische Geschehen einbezogen sind. Dort, wo die Menschen nicht verwaltet werden, sondern sich weitgehend selbst verwalten, ist der Ort demokratischen Erlebens.

Kleinräumige Unverwechselbarkeit, aufgehoben in solidarischen Gemeinschaften mit diskursiver Kommunikation und fairem Interessenausgleich, das sind die Voraussetzungen für Politikakzeptanz.

Der Mensch als überstaatliches Wesen ist die Zentralinstanz der Demokratie.

Europa von oben ist krisenanfällig, wie wir es oft in der sechzigjährigen Geschichte europäischer Bemühungen um eine Einigung erlebt haben. Seine Chance hat es von unten, wenn es den Bedürfnissen der Menschen in Bildung, Kultur, Freiheit, sozialer Absicherung, Schutz von außen entgegenkommt, wenn auch der "normale" Arbeitnehmer das Gefühl hat, ihm gehe es ohne die Europäische Union schlechter.

Eine Föderation neuer Art als ein Europa der Vereinigten Regionen, nahe beim Alltag der Menschen, ein solches Europa der Zukunft wird humanistisch, regional, föderal, ein Volk von europäischen Völkern, oder es wird gar nicht sein.

AACHEN. IM DEZEMBER 2014

4. Kultur Als Orientierung

In einer trostlosen Zeit, in der die Politik mehr oder weniger von einer "Psycho-Logik" und zunehmend auch von einem Freund / Feind-Denken beherrscht wird, bleibt als einziger Hoffnungsschimmer die Kultur. Noch bleibt sie unberührt von den augenblicklichen Unbilden politischen Handelns oder Nicht-Handelns.

только там, где решения не только затронут людей, но эти решения немедленно и прямо могут повлиять на того, кто участвует в политической жизни. Там, где люди не пассивно управляются, а в значительной степени управляют сами, находится место «демократическому переживанию».

Мелкая самобытность, отменённая в солидарном обществе с общением, основанном на рассуждении, и справедливым балансом интересов, являются предпосылками для признания политики.

Человек как «надгосударственное» существо занимает центральное место в демократии.

Европа сверху обречена на кризис, как мы это часто испытывали в течение 60 лет истории европейских усилий при рассуждениях об объединении. Европа снизу имеет свой шанс, если она отвечает потребностям людей в сфере образования, культуры, свободы, социальной защиты, защиты от внешнего воздействия, даже если «нормальный» работник чувствует, что ему хуже без Европейского союза.

Федерация нового типа как Европа объединённых регионов, недалёкая от повседневной жизни людей, так называемая «Европа будущего» будет гуманной, региональной, федеральной, народом европейских народов. Или её может не быть вовсе.

Аахен. Декабрь 2014 года

4. Культура как ориентация

В смутное время, когда политика в большей или меньшей степени владеет «психологикой», и всё чаще другом / предполагаемым врагом, культура остаётся единственным лучом надежды. Культуры не касаются мгновенные невзгоды политических действий или бездействий.

Noch ist die Europäische Wertegemeinschaft, das Fundament, auf dem Europa gründet, in ihrer einmaligen Besonderheit nicht beschädigt. Jenseits aller Rückschläge lässt sie immer von Neuem hoffen.

Wie und was wir heute geworden sind, verdanken wir einem mehr als 3000jährigen Ringen der europäischen Völker um Frieden, das sich zu einer einzigartigen europäischen Kultur verdichtet hat. Große wie kleine Völker haben hierzu ihren Beitrag geleistet.

Man sollte nicht vergessen, selbst bei unüberwindlich erscheinenden Gegensätzen, dass Russland ein nicht wegzudenkender Teil dieser Wertegemeinschaft ist. Seit Peter der Große (1672-1725) und in seiner Nachfolge Katharina die Erste (1684-1727) sich für die Europäisierung Russlands entschieden haben, ist Russland ein integraler Bestandteil unserer europäischen Wertegemeinschaft. Nur mit Russland ist sie gesamteuropäisch.

Ein Beispiel hier pars pro toto:

Spätestens mit Fjodor M. Dostojewskij (1821-1881) hat die russische Literatur europäische, ja, Weltgeltung erreicht. Sie verließ ihren stark "rezeptiven" Ansatz und wandelte sich zu einer einer selbstständigen Größe. Sie befreite sich in einer Art Dialektik von dem "Zauber" und gleichzeitig bereicherte sie mit der "russischen Idee" das literarisch kulturelle Denken Europas (vgl. hierzu: Erochin, in: Böttcher 2014). Viele Beispiele aus der Literatur, Musik und Philosophie könnten angeführt werden.

Wenn wir Russland ausgrenzen - ob politisch, ökonomisch oder kulturell - grenzen wir einen Teil der europäischen Identität aus. In diesem zentralen Punkt unseres Selbstverständnisses sind wir zur Zeit auf keinem guten Wege.

Unter Kultur folgen wir dem Verständnis, das die UNESCO in ihrer Erklärung von Mexiko 1982 so formulierte:

"Die Kultur in ihrer umfassenden Bedeutung muss heute verstanden werden als die Gesamtheit der geistigen und materiellen, der verstandes- und gefühlsmäßigen Ещё остается европейская общность, основанная на сходных ценностях. Это фундамент, на котором основана Европа, с её уникальной особенностью не подвергаться потрясениям. С другой стороны при всех неудачах всегда остается надежда.

То, кем мы сегодня стали, мы обязаны более, чем 3000-летней борьбе европейских народов за мир, уплотнившей уникальную европейскую культуру. И большие, и малые народы внесли в это свой вклад.

Не следует забывать, даже при появившихся непреодолимых обстоятельствах, что Россия является неотъемлемой частью этой общности. Начиная с Петра Великого (1672-1725) и его преемницы Екатерины Первой (1684-1727), принявших решение о европеизации России, Россия является неотъемлемой частью нашей европейской общности. Только с Россией она остается общеевропейской.

Пример части от целого:

Позднее, при Фёдоре Михайловиче Достоевском (1821-1881) русская литература достигает европейского и мирового значения. Она оставила сильно «восприимчивый» подход и обратилась к собственному величию. Она освободила своего рода диалектику от «заклинания» и одновременно обогатилась «русской идеей» литературного культурного мышления в Европе (см.: Ерохин, в: Бётхер 2014). Можно привести много примеров из литературы, музыки и философии.

Если мы изолируем Россию, будь то политически, экономически или в культурном плане, то мы также обособим часть европейской личности. В этой центральной точке наша самооценка будет снижена.

В культуре мы следуем пониманию, которое ЮНЕСКО сформулировала в своем заявлении в Мексике от 1982 года так:

«Сегодня культура в своём всеобъемлющем значении должна быть понята как совокупность духовных и материальных, разумных и эмоциональных характеристик, описывающих общество или социальную группу.

Merkmale, die eine Gesellschaft oder eine soziale Gruppe kennzeichnen.

Sie umfasst neben den Künsten und der Literatur, die Lebensweisen, die Grundrechte Mensch-en, die Wertsysteme, Traditionen und Überzeuaunaen. Kultur verleiht dem Mensch-en die Fähigkeit, über sich selbst nachzudenken, durch sie erst werden wir zu den spezifisch menschlichen, d. h. vernunft-begabten, kritischen und nach ethischen Prinzipien lebenden Wesen. Durch sie lernen wir Werte unterscheiden und Entscheidungen zu treffen. Durch sie auch kann der Mensch seinen Gedanken und Gefühlen Ausdruck verleihen. Wird er sich seiner selbst bewusst, begreift sich als ein unvollendetes Werk, stellt seine eigenen Leistungen in Frage, sucht unermüdlich nach einem neuen Sinn und schafft Werke, die über ihn hinausgehen".

Ähnliches muss Jean Monnet (1888-1979), einem der Architekten des heutigen Europa und einem Aachener Karlspreisträger, durch den Kopf gegangen sein, als er nach dem Ausscheiden aus dem aktiven Dienst formulierte:

"Wenn ich es noch mal machen könnte, würde ich mit der Kultur beginnen."

So wichtig die institutionellen, ökonomischen und vor allem sozialen Potenzen für eine Europäisierung unserer Gesellschaft auch sind, sie wird scheitern, wenn wir nicht der Kultur einen ganz besonderen Platz im Denken über die Zukunft Europas einräumen. Sie muss gleichberechtigt und gleichwertig den anderen Potenzen sein und nicht als Abfallprodukt der Ökonomie gelten.

Wenn wir zum Beispiel aus den heute stark dominierenden Technik- und Naturwissenschaften sowohl Geschichte als auch Philosophie ausgrenzen und sie nicht als unerlässlich in unser Denken einbeziehen, grenzen wir die Verantwortung aus. "Jede Abgrenzung ist die Negation des Ganzen" wie der niederländische Philosoph Baruch de Spinoza (1632-1677) weiß, oder "Das Wahre ist das Ganze" wie es Hegel (1770-1831) ausdrückt.

Помимо искусства и литературы, она включает в себя образы жизни, основные права человека, системы ценностей, традиции и верования. Культура даёт людям возможность думать о себе. Только через неё мы особенно человечны, то есть одарённые разумом, критичные живые существа по принципам этики. Благодаря культуре, мы учимся различать значения и принимать решения. Благодаря культуре, человек может также выразить свои мысли и чувства. Он осознает себя, воспринимает себя в качестве незавершенной работы, ставит вопросы, неустанно ищет новый смысл и создает произведения выше его способностей».

Подобное сформулировал Жан Монне (1888-1979), один из «архитекторов» современной Европы и лауреат аахенской премии Карла, после ухода с активной службы:

«Если бы я сделал это еще раз, я бы начал с культуры».

Институциональный, экономический и особенно социальный потенциалы для европеизации нашего общества настолько важны, что они не будут реализованы, если мы не уделим культуре совершенно особое место в размышлениях о будущем Европы. Они должны быть равноправными и равноценными по отношению к другим потенциалам, а не как отходы экономики.

Если мы, например, уберем сильно доминирующие сегодня технические и естественные науки, а также историю и философию и посчитаем их в нашем сознании неважными, мы ограничим ответственность. «Любое разграничение есть отрицание всего», - сообщает голландский философ Барух де Спиноза (1632-1677), или «Истинное есть целое», - высказался Гегель (1770-1831).

Neben der Selbstvergewisserung und Identitätsfindung, die wir durch Kultur erfahren, hat sie noch eine internationale Funktion.

Bis zum Ersten Weltkrieg lebte Europa den Traum der Selbstverliebtheit. Die weltweit militärische und ökonomische Vorherrschaft Europas ging einher mit dem Glauben an immerwährenden Fortschritt, an fortdauerndes quantitatives Wachstum, gegründet auf Ideologien wie Nationalismus, Liberalismus und Sozialismus. Das Vertrauen in die Allgemeingültigkeit europäischen Denkens, in seine kulturelle und intellektuelle Überlegenheit, in seine all durchdringende Rationalität wurde durch die doppelte Urkatastrophe des 20. Jahrhunderts in seinen Grundfesten erschüttert.

Diese Selbstzweifel durchziehen heute unser Denken. Sie werden geprägt durch die Verunsicherung über den Zusammenbruch von bis dahin weltweit beherrschenden europäischen Ideen der Überlegenheit des westlichen Lebensmodells, entstanden in einer mehr als siebenhundertjährigen Kulturgeschichte (vgl. Böttcher 2014) Der Glaube an den andauernden Fortschritt, hervorgerufen durch dieses westliche Modell von Sozialismus, Kapitalismus und Demokratie, hat seine Faszination verloren.

Der indische Schriftsteller Pankaj Mishra formuliert es so:

" Die optimistische Annahme, wonach diese universellen Ideologien und Techniken endloses Wachstum und politische Stabilität garantieren, lassen sich nicht aufrechterhalten. Wir haben es mit einer globalen Krise sozialer, politischer und ökologischer Art zu tun, die vor allem unsere langjährige intellektuelle Unterwerfung unter westliche - oft europäische - Vorstellungen von Politik und Ökonomie infrage stellt."

Nach der Auflösung der Sowjetunion haben wir im Westen lange geglaubt, der Kapitalismus habe endgültig über den Kommunismus triumphiert. Plötzlich dominierten angebliche Werte wie Effizienz, Flexibilität, Deregulierung, Vermarktungschancen.

Помимо самопонимания и самоидентификации, к которым мы приходим через культуру, существует ещё международная функция культуры.

До Первой мировой войны Европа жила самовлюбленностью. Всемирное военное и экономическое господство в Европе совпало с верой в вечный прогресс, длительный количественный рост, основанный на идеологии национализма, либерализма и социализма. Уверенность в общности европейской мысли в её культурном и интеллектуальном превосходстве, её всепроникающей рациональности была подорвана двойной катастрофой XX века до самого основания.

Эта неуверенность в себе пронизывает сегодня наше мышление. Она прослеживается в неуверенности краха европейской идеи превосходства западной модели жизни, доминирующей в мире до сих пор, возникшей в культуре с более чем 700-летней историей (см., Бетхер 2014). Вера в непрекращающийся прогресс, вызванная этой западной моделью социализма, капитализма и демократии, потеряла своё значение.

Индийский писатель Панкай Мишра (Pankaj Mishra) сформулировал это так:

«Оптимистическое предположение, что универсальную идеологию и методы бесконечного роста и политической стабильности можно не поддерживать. Мы имеем дело с глобальным кризисом социального, политического и экологического типа; особенно наше многолетнее интеллектуальное подчинение западному - часто европейскому - представлению о политике и экономике поддаётся сомнению».

После распада Советского Союза мы долгое время считали на западе, что капитализм окончательно торжествует над коммунизмом. Внезапно стали доминировать якобы такие ценности, как эффективность, гибкость, дерегулирование, маркетинговые возможности

Winfried Böttcher: NACHDENKEN ÜBER EUROPA

Erst allmählich wird uns bewusst, dass dies keine Werte, sondern nur Instrumente des Kapitalismus sind.

Wir müssen uns rückbesinnen auf das eigentliche Erbe Europas, auf Werte wie Freiheit, Gleichheit, Brüder-lichkeit, Werte, die heute nicht weniger aktuell sind als zur Zeit der Französischen Revolution, auf Werte wie Toleranz und Rechts-staatlichkeit.

Im Bewusstsein dieses durch die Jahrhunderte gewachsenen Erbes, das weder kulturellen Grenzen noch geografischen Zwängen unterliegt, muss Europa die Auseinandersetzung mit den politischen und intellektuellen Traditionen anderer Gesellschaften führen, um nicht seine eigene intellektuelle Entkräftung und historische Bedeutungslosigkeit zu erfahren, so noch einmal ein Gedanke von Pankaj Mishra.

Anders gewendet: Europa muss Abschied nehmen von seinem jahrhundertealten, intellektuellen Überlegenheitsanspruch und dennoch seine in Jahrhunderten errungenen kulturellen Werte in die Zukunft einer besseren Welt einbringen.

AACHEN, IM DEZEMBER 2014

Лишь постепенно мы осознаём, что ничто не имеет значения, кроме инструментов капитализма. Мы должны обратить наше внимание на реальное наследие Европы, на такие ценности,

как свобода, равенство, братство, ценности, которые сегодня не менее актуальны, чем во времена Французской революции, а также терпимость, верховенство закона.

Европа должна бороться с политическими и интеллектуальными традициями других компаний, чтобы не допустить интеллектуальное ослабление и историческое ничтожество на фоне веками растущего наследия, которое не уступает ни культурным границам, ни географическим ограничениям. Таким образом, Панкай Мишра (Pankaj Mishra) ещё раз выразил свою мысль.

Иными словами: Европа должна попрощаться со своим вековым интеллектуальным правом на превосходство и, тем временем, вносить свои культурные ценности, достигнутые на протяжении веков, в будущее лучшего мира.

Аахен. Декабрь 2014 года